
Редактирование генома человека: правовые ограничения, моральные дозволения или религиозные запреты?*

© 2020 г. В.В. Лапаева

*Институт государства и права РАН,
Москва, 119019, ул. Знаменка, д. 10.*

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила 12.12.2019

Создание технологии редактирования генома CRISPR-Cas9, открывшей возможности «совершенствования» физических и когнитивных характеристик человека, резко актуализировало проблему глобальных правовых гарантий безопасного технологического развития в данной области. В настоящее время международное регулирование геномных исследований и технологий осуществляется в основном посредством разного рода рекомендаций и деклараций, которые выражают консенсус, достигаемый в рамках морального дискурса. Трудности перевода регулирования на правовой уровень наглядно демонстрирует опыт европейской Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины. Положенная в основу Конвенции естественно-правовая доктрина, для которой характерно отождествление права и морали (в светских версиях юснатурализма) либо права, морали и религии (в религиозных учениях), в немалой степени предопределяет ее недостаточный регулятивный потенциал. Между тем нормы права, морали и религии – это сущностно разные по своей природе регуляторы со своими специфическими принципами, которые конкурируют в пространстве отношений, складывающихся в сфере биомедицины. Выработка оптимального баланса между этими нормативными системами требует надлежащего философско-правового обеспечения. Применительно к наиболее дискуссионной проблеме развития геномных технологий, связанной с возможностью наследуемой модификации генома человека, такой баланс может быть выстроен на базе синтеза русской религиозно-философской концепции всеединства и идеи прав будущих поколений, выражающей правовой принцип формального равенства в отношениях между поколениями как звеньями поступательного развития человеческого рода, единого в своей социально-биологической основе.

Ключевые слова: геном человека, редактирование генома, право, мораль, религия, философия права.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–116–127

Цитирование: *Лапаева В.В.* Редактирование генома человека: правовые ограничения, моральные дозволения или религиозные запреты? // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 116–127.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда по теме «Социогуманитарные контуры геномной медицины» (проект № 19–18–00422).

Human Genome Editing: Legal Restrictions, Moral Permissions or Religious Prohibitions?*

© 2020 Valentina V. Lapaeva

*Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation.*

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 12.12.2019

The creation of CRISPR-Cas9 genome editing technology, which opened up possibilities for human physical and cognitive enhancement, sharply updated the problem of providing global legal guarantees for safe technological development in this area. Currently, the international regulation of genomic research and technology is mainly carried out through recommendations and declarations that express the consensus reached in the ethical discourse. Difficulties in transferring the regulation of this sphere to the legal level are clearly demonstrated by the experience of the Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine. The underlying the Convention *ius naturale* doctrine, which is characterized by the identification of law and morality (in secular versions of *ius naturale*) or law, morality and religion (in religious teachings), significantly affects its insufficient regulatory potential. Meanwhile, these are essentially different regulators with their specific principles, which compete in the space of relations in the field of biomedicine. The necessity to find the optimal balance between them requires appropriate philosophical and law support. In relation for the modification to the inherited human genome as the most controversial issue, such a balance can be built on the synthesis of Russian religious and philosophical concept of all-unity and the idea of the future generations rights, expressing the law principle of formal equality between generations as links in the human race progressive development, which is united in its socio-biological basis.

Keywords: law, morality, religion, social regulation, human genome, genome editing, CRISPR-Cas9 technology, philosophy of law.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–116–127

Citation: Lapaeva, Valentina V. (2020) “Human Genome Editing: Legal Restrictions, Moral Permissions or Religious Prohibitions?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 116–127.

На рубеже тысячелетий философия, религия и наука, по меткому замечанию Ю. Харари, оказались в состоянии цейтнота: развитие геной инженерии открыло перед человечеством столь масштабные и неоднозначные возможности, что «в ближайшее время кто-то должен, опираясь на четко сформулированные или подспудно признаваемые концепции смысла жизни» [Харари 2019⁶, 15], принять решение об их использовании, потому что в противном случае невидимая рука рынка навяжет человечеству свою слепую волю. Автор данного высказывания, получивший известность благодаря умению

* The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation ‘Socio-humanitarian contours of genomic medicine’ (project No. 19–18–00422).

просто и точно формулировать суть самых сложных вопросов, с которыми человечество сталкивается на протяжении своей истории, и здесь верно расставляет акценты. Надо, говорит он далее, в ближайшее время принять такие решения, направленные на сохранение человечества как биологического вида и социальной общности, которые могут быть реализованы в условиях рынка и адекватной ему политической модели либеральной демократии. Ю. Харари не призывает отказываться ни от рынка, ни от либеральной демократии, являющейся, несмотря на переживаемый ею кризис, «самой успешной и гибкой политической моделью из всех, когда-либо придуманных людьми» [Харари 2019^б]. Более того, он опасается, что либерализм не выдержит под напором технологий, подрывающих представления о человеке как носителе свободной воли, и надеется лишь на то, что люди, будучи «непревзойденными мастерами когнитивного диссонанса» [Харари 2019^а, 355], сумеют адаптироваться к ситуации.

Гибкость демократической модели принятия общезначимых решений была продемонстрирована в процессе реализации глобального научного проекта «Геном человека», когда политики и ученые разных стран пришли к согласию по вопросу о необходимости параллельно с расшифровкой человеческого генома вести работу по осмыслению возникающих в этой связи этических проблем. Такое решение, а главное – успехи, достигнутые при его реализации, могут (при оптимистическом взгляде на ситуацию) рассматриваться как начало фундаментальных изменений «соотношения сил» между разумом и моралью в системе ценностных ориентиров техногенной цивилизации. В свое время, как пишет А.А. Гусейнов, спор за первое место среди человеческих ценностей был предрешен в пользу разума уже самой постановкой вопроса об обосновании морали [Гусейнов 1999, 246]. Проект «Геном человека», признавший необходимость моральной оправданности познания, сломал эту традицию и дал мощный импульс формированию на международном и национальном уровнях системы социальных институтов, осуществляющих не просто социогуманитарное сопровождение биотехнологического развития, а его соционормативное обеспечение.

К числу таких институтов относятся: этические рекомендации международных научных форумов, обладающие в силу своего авторитета значительным регулятивным потенциалом; исследовательские программы, интегрирующие крупномасштабные технонаучные проекты с социогуманитарными исследованиями; международные и национальные этические комитеты; международные декларации, рекомендации, кодексы профессиональной этики и т. д. Что же касается правовых институтов, то они пока не вышли на масштабный международный уровень: здесь действует лишь Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, принятая в 1996 г. под эгидой Совета Европы, которая до сих пор ратифицирована далеко не всеми государствами-членами Совета Европы.

Несмотря на то, что рождение в Китае детей с модифицированными генами резко актуализировало необходимость глобальных правовых гарантий безопасного биотехнологического развития, рассчитывать на решение этой задачи в обозримой перспективе вряд ли возможно. Главным фактором, блокирующим достижение правовых договоренностей, является жесткая конкуренция между глобальными акторами (государствами и транснациональными корпорациями), охватывающая широкий спектр отношений – от рынков медицинских услуг до национальной безопасности. Не слишком обнадеживает и опыт европейской Конвенции о правах человека и биомедицине. При всей огромной значимости этого документа, ставшего первым шагом на пути формирования наднациональных основ правового регулирования в данной сфере, Конвенция четко юридизировала лишь те положения, по которым в экспертном сообществе было достигнуто убедительно выраженное согласие. Однако наиболее спорная и актуальная проблема, связанная с определением возможности наследуемого редактирования генома человека, получила здесь упрощенное политическое решение. Это стало особенно очевидно после изобретения технологии CRIPR/Cas9, применимой в том числе и к клеткам зародышевой линии, то есть половым и эмбриональным клеткам, обеспечивающим передачу геномной информации потомкам. Более того, в Конвенцию заложено противоречие

между основополагающим для нее положением статьи 2 о том, что «интересы и благо отдельного человека превалируют над интересами общества или науки», и статьей 13, согласно которой вмешательство в геном человека возможно «только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека».

На эти обстоятельства обращает внимание эксперт Комиссии по этике Евросоюза Дж. Монтгомери. Он напоминает, что окончательная формула статьи 13, принятая в русле рекомендаций ПАСЕ, отличается от варианта, предлагавшегося экспертами, и создает искаженное представление, будто «существует простое и неприкосновенное моральное правило против всех вмешательств в зародышевую линию». Еще более важным является тот факт, что для пациента, чьи страдания в обозримой перспективе могли бы быть облегчены путем геномного редактирования его половых клеток, «стремление защитить абстрактную концепцию человеческого достоинства будет выглядеть как пример “интересов общества”, преобладающих над благосостоянием человека». В рамках правовой системы Совета Европы каждый, кому в подобной ситуации будет отказано в лечении, может обратиться в Европейский суд по правам человека с жалобой на бесчеловечное обращение и дискриминацию по основанию отличия его генетического наследия «от тех лиц, кто может лечиться с помощью соматической терапии». А это, кстати, входит в противоречие еще и со статьей 11 Конвенции о правах человека и биомедицине, запрещающей дискриминацию [Монтгомери 2018, 36].

Хотя перевод проблемы редактирования человеческого генома на уровень глобального правового регулирования в ближайшей перспективе не предвидится, человечество уже не может оставлять на усмотрение корпоративной морали научного сообщества решение вопросов, в которых сфокусированы его самые смелые надежды и самые апокалиптические ожидания. Понимая эту озабоченность и осознавая меру своей ответственности, медико-биологическое сообщество прилагает большие усилия по обеспечению открытости своих дискуссий для широкой общественности. Наиболее значимым на данный момент успехом на этом пути является создание глобальной сети этических комитетов, охватывающей своим действием все уровни принятия соответствующих решений – от ООН до лечебных и научно-исследовательских учреждений в рамках отдельных государств. Таким образом, биомедицинское сообщество берет на себя риски перехода в пространство равноправного, а значит конфликтного, взаимодействия с обществом, в рамках которого биомедицинские исследования и технологии подвергаются всесторонней этической оценке.

Важно отметить, что в настоящее время официально признанными субъектами биоэтического дискурса являются представители религиозных конфессий. Это служит наглядным проявлением важной тенденции современного общественно-политического развития, обозначаемой как постсекулярный поворот. Можно, по-видимому, сказать, что именно экзистенциальный страх современного человека перед перспективой постчеловеческого будущего, открывшейся с появлением технологий геномного редактирования, в немалой степени способствовал тому, что религиозное мировоззрение вновь оказалось востребованным в публичном дискурсе. Показательно, что лекция Ю. Хабермаса «Знание и вера», где впервые была вынесена на обсуждение идея постсекулярного общества, по времени совпала с окончанием его работы над книгой «Будущее человеческой природы», импульсом к написанию которой послужила обеспокоенность автора разрушением тех основ идентичности человечества, которые образуют «контекст наших правовых и моральных воззрений» [Хабермас 2002a web]. За этой обеспокоенностью просматривается стремление современного секулярного сознания, одним из наиболее авторитетных выразителей которого является Ю. Хабермас, разделить с религией ответственность за судьбы человечества в надвигающуюся «эпоху биотехнологий» [Тищенко 2001, 3].

Значение религиозного фактора в системе социогуманитарного обеспечения геномных исследований и технологий обусловлено тем обстоятельством, что религия привносит в эту сферу не только хорошо проработанную систему аргументации, выстраиваемую на принципиально иной, по сравнению с научной рациональностью,

мировоззренческой основе, но также и специфическую ценностно-нормативную систему, продемонстрировавшую за свою многовековую историю мощный регулятивный потенциал. Речь идет прежде всего о принципах, нормах и догматах христианства, поскольку именно в рамках христианской культурной традиции, развивающей представление о человеческом разуме как подобии разума божественного, в свое время обозначилось стремление к «новому пониманию природы и человеческой деятельности, устранявшему резкое противопоставление науки и религии как способов познания истины» [Степин 2011, 255, 258]. Разумеется, христианская трактовка проблем биоэтики далеко не однородна, тем не менее все христианские конфессии одобряют усилия, направленные на лечение наследственных болезней с помощью генной терапии, предохраняют от возникающей при этом опасности передачи отредактированного генома будущим поколениям и категорически отрицают применение технологий с целью совершенствования физических и когнитивных характеристик человека.

Подобный подход к проблемам редактирования генома человека в целом соответствует положениям основного массива документов международного и наднационального уровней, которые, хотя и носят рекомендательный характер, но, по сути, являются так называемым «мягким правом», поскольку содержат нормы, которые либо уже имеют правовую природу, либо обладают значительным правовым потенциалом. Именно поэтому законодательство разных стран в целом идет по линии, обозначенной в этих международных документах. Данное обстоятельство создает впечатление некоего слитного соционормативного комплекса, где моральные, правовые и религиозные нормы, регулятивный потенциал которых основан на понимании человека как разумного существа, обладающего свободной волей¹, лишь дополняют друг друга. Между тем это не только различные, но и конкурирующие между собой регуляторы, поэтому для максимального использования их регулятивного потенциала важно понять суть различий между ними и выработать модель их оптимального взаимодействия.

Таким образом, традиционная для философии права проблема соотношения права, морали и религии в пространстве биоэтики получает новое актуальное звучание. Необходимость в сжатые исторические сроки найти эффективные способы смягчения социальных и антропологических рисков, порождаемых развитием геномных технологий, требует сейчас мобилизации познавательного потенциала всей мировой философско-правовой мысли. Если говорить о наиболее значимых направлениях именно российского, то есть несущего на себе отпечаток социокультурной специфики страны, включения в глобальный биоэтический дискурс, то можно выделить два концептуальных подхода.

Прежде всего это разработанная в русской религиозной философии права *этика всеединства* с ее пониманием взаимодействия индивидуального и общественного начал как такого единства, которое «существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» и которое «сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [Соловьев 1988, 252]. Связанная с этой философской традицией «русская идея» ответственности каждого не только за себя, но и за других [Межуев 2006 web], сейчас оказывается все более востребованной в свете обсуждаемой уже не только фантастами опасности раскола человечества на биологические касты вследствие дальнейшего развития и рыночного использования технологий геномного «совершенствования» человека. В данной связи представляет интерес столкновение разных мировоззренческих подходов к проблеме, продемонстрированное в рамках Международного юридического форума, состоявшегося в прошлом году в Санкт-Петербурге. Выступая на секции по философии права, министр юстиции России А.В. Коновалов заметил, что в скором будущем качество и длительность человеческой жизни могут существенно возрасти, но это будет доступно немногим. Поэтому человечество разделится на страты, и каждому надо постараться попасть в ту страту, где будет обеспечен хотя бы какой-то порядок. Принятие министром юстиции такого будущего в качестве неизбежного диссонировало с содержанием лекции, прочитанной на этом же форуме Председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным, где последний

(со ссылкой на А.В. Гулыгу) говорил об актуализации русской идеи всеединства с ее «предчувствием общей беды и мыслью о всеобщем спасении» [Зорькин 2019, 3]. Если человечество, вступая в эпоху биотехнологической революции, откажется от идеи всеобщего спасения, свернет с прежнего магистрального пути движения «ко все большей свободе и равенству все большего числа людей» [Нерсесянц 1996, 3] и пойдет по линии биологической стратификации, подрывающей его природное единство, то о праве какого человека и о каком праве вообще может тогда идти речь?

Другое направление отечественной этико-правовой мысли, содержащее в себе существенный потенциал для осмысления проблемы соотношения права и морали в контексте биоэтики, сложилось в рамках советской и постсоветской философии права. Речь идет о разработанном В.С. Нерсесянцем *либертарно-юридическом типе правовопонимания*, в основе которого лежит выделение сущностного принципа права, позволяющего проводить теоретически последовательное ограничение права не только от властного произвола в форме закона, но и от норм морали или религии. Таким сущностным правовым принципом является *принцип формального равенства людей в их свободе*, который трактуется как триединство равной меры, свободы и справедливости [Нерсесянц 2002, 3–15].

Чтобы пояснить, что дает этот подход для правового обеспечения геномных исследований и технологий, важно иметь в виду, что правовые основы биоэтики, сформированные на базе медицинской деонтологии, в настоящее время опираются главным образом на светские или религиозные версии естественно-правовой доктрины с характерным для нее акцентом на «моральности права». В светских теориях эта «моральность права» с той или иной мерой последовательности предстает как выражение кантовского категорического императива, а в религиозно-правовых учениях – как проявление божественной справедливости или милосердия. Правда, в силу известной архаичности юснатурализма современная юриспруденция, а вслед за ней и биоэтика обычно избегают напрямую апеллировать к этому учению, предпочитая говорить просто о правах человека. Тем не менее в пользу юснатурализма сейчас мощно «работает» нарастающая опасность технологической дегуманизации, затрагивающая уже не только человеческие взаимоотношения, но и биологическую природу самого человека. Однако при всех достоинствах этого типа правовопонимания, который на разных этапах истории противостоял властному произволу, у него есть существенные внутренние дефекты, связанные с необоснованностью претензий моральных (а тем более религиозных) норм на статус универсальных общезначимых регуляторов.

В данной связи следует отметить, что в современной этико-философской литературе, где «проблеме соотношения морали и права уделяется значительно меньше места, чем в правоведческой» [Гусейнов 2018, 12], распространены представления о «моральности права», которые конкретизируются в положениях о праве как требовании минимального добра, о моральных основаниях права, о нравственной природе или нравственном измерении права, и т. д. Подобные суждения, разумеется, не означают полного смещения рассматриваемых феноменов: право отождествляется не со всей общественной моралью, а лишь с теми моральными универсалиями, которые, по мнению сторонников «моральности права», имеют общезначимый характер. Согласно логике их рассуждений, «если нормы некоторого морального кодекса, мыслятся как нечто, долженствующее руководить не только действиями отдельных лиц, обращаясь к их внутреннему сознанию, но и поведением любого индивида... они приводят к созданию правовых предписаний» [Агацци 2009].

Однако если поставить вопрос о том, в каких случаях нормы некоего кодекса правил приобретают универсальный характер, распространяя свое действие на поведение *любого* индивида, рассматриваемого в его наиболее абстрактном проявлении, то станет очевидным, что речь может идти лишь о нормах, гарантирующих каждому человеку как носителю свободной воли *формальное равенство в свободе* с другими носителями свободной воли [Лапаева, Поляков, Денисенко (ред.) 2016, 9–11]. Данный подход, увязывающий качество универсальности лишь с абстракцией принципа

формального равенства людей в их свободе, снимает обсуждаемую специалистами проблему неоднородности морали [Круглый стол 2016, 144–173] и позволяет говорить об индивидуальной и общественной морали как о проявлениях единого феномена, основанного на принципе милосердия [Гусейнов 1999, 258]. При такой трактовке мораль с ее безграничностью предстает по отношению к праву как одна из форм произвола.

Право, расширявшее сферу своего влияния за счет морали и религии в течение нескольких последних веков, в наши дни оказалось не способным предотвратить неконтролируемое применение геномных технологий. Поэтому в рамках биоэтического дискурса сейчас идет поиск норм общественной и индивидуальной морали, а также религиозных ценностей, которые могли бы восполнить образовавшиеся пробелы в соционормативной регуляции, не перечеркивая при этом перспективы перехода на правовой уровень решения проблем. Для того чтобы этот ценностно-нормативный комплекс сумел справиться с новыми сверхсложными задачами необходимо четко различать специфику каждого регулятора. А между тем такие различия не проводятся даже в Конвенции о правах человека и биомедицине, где смешение правовых и моральных принципов стало причиной упомянутых выше внутренних противоречий этого документа.

Конвенция, посвященная *правам* человека, начинается с нормы, провозглашающей приоритет не прав человека, а его *интересов и блага*, которые «превалируют над исключительными (*sole*) интересами общества или науки». При этом не понятно, о каком благе идет речь: об охране здоровья человека или о защите его достоинства в целом. Между тем, когда право гарантирует формально равный доступ человека даже к такому вполне конкретному благу, как охрана его здоровья, объем предоставляемых гарантий согласовывается с возможностью охраны здоровья иных субъектов права, а также с теми ценностями общего блага (то есть с «интересами общества или науки»), которые являются необходимым условием реализации всей системы прав человека. Очевидно, что этот сложнейший комплекс взаимосогласованных притязаний, выраженный понятием «право человека на охрану здоровья», не равнозначен такому концепту, как «интересы и благо отдельного человека». В рассматриваемой норме Конвенции нашел выражение один из общепризнанных принципов биоэтики, которые приобрели статус своего рода «квазиканонического писания» [Монтгомери 2018, 33]. Это принцип «*beneficence*» – «делай благо» (то есть принцип милосердия или благотворительности), который не просто относится к сфере морали, но выражает саму ее суть. То обстоятельство, что Конвенция придала этому моральному принципу правовой статус, является одним из факторов, препятствующих присоединению к ней.

Хотя Россия не подписала Конвенцию, заложенное в ее основу смешение права и морали существенно повлияло на российское законодательство, регулирующее отношения в сфере создания и применения геномных технологий. Так, в статье 1349 Гражданского Кодекса РФ содержится запрет на патентование любых способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, которому корреспондирует положение данной статьи о том, что объектами патентных прав не могут быть результаты интеллектуальной деятельности, если они «противоречат общественным интересам, принципам гуманности и морали». Между тем общественные интересы не всегда совпадают с гуманными принципами морали. Подобные нормы, апеллирующие к весьма неопределенным по своей природе моральным принципам, противоречат логике правового подхода, который требует лишь того, чтобы осуществление прав одних субъектов не нарушало права других и не разрушало те основы общего блага, которые служат условием реализации прав человека. С позиций такого подхода было бы целесообразно допустить разработку технологий генетической модификации зародышевой линии человека в рамках жестких правовых ограничений (например, тех, что приняты в Великобритании), гарантировать патентоспособность изобретений и ввести временный запрет на их внедрение.

Во избежание подобного морализаторства, ставящего неправомерные барьеры на пути научно-технологического развития, необходимо на теоретическом уровне

более четко выделять сущностную специфику каждого элемента базовой соционормативной триады. Рассматривая эту специфику в контексте проблемы редактирования клеток зародышевой линии человека, можно сказать следующее. Последовательное применение принципа *морали* в данном случае означает требование проявить максимальное милосердие к страдающему человеку, не занимаясь при этой калькуляцией гипотетических рисков для человечества в целом. Позиция *религии* здесь будет иной: признавая до какого-то момента «моральное» право человека уменьшить свои страдания путем геномной терапии, религия недолго останется в русле христианской морали и в какой-то момент жестко напомнит о том, что «попытки людей поставить себя на место Бога, по своему произволу изменяя и “улучшая” Его творение, могут принести человечеству новые тяготы и страдания» [Основы социальной концепции 2000, XXI.1] и что человек не должен «злоупотреблять властью и способностями, доверенными ему Богом» [Инструкция «Dignitas Personae» web (Заключение)]. Что же касается *права*, то оно будет стремиться выявить и удержать на основе принципа формального равенства баланс интересов самых разных субъектов, попадающих в пространство его воздействия (пациентов, выступающих в качестве испытуемых, исследователей с их правом на свободу научного и технического творчества, потенциальных пациентов, спонсоров исследований и т. д. вплоть до будущих поколений человечества) и пытаться сохранить возможность постепенного снижения рисков и наращивания выгод от совершенствования геномных технологий.

Мировое научное сообщество заинтересовано сейчас в том, чтобы в условиях роста антиисциентистских настроений продемонстрировать глобальную ответственность науки, удержать ситуацию от разного рода эксцессов с помощью норм «мягкого права» и постепенно перевести ее в плоскость правового регулирования. Отсюда такая резкая реакция на осуществленный в Китае эксперимент с рождением гено-модифицированных близнецов, проявившаяся не только в осуждении слишком рискованного опыта, но и в призыве к пятилетнему глобальному мораторию на использование генетического редактирования зародышевой линии человека в клинических целях, с которым группа известных специалистов обратилась со страниц журнала «Nature» в марте 2019 г. [Lander et al. 2019]. Свой весомый вклад в развернувшуюся дискуссию [Cohen 2019 web] внес недавно созданный Консультативный комитет ВОЗ, который не поддержал идею моратория и выступил с предложениями по формированию глобального реестра всех экспериментов по редактированию генома и разработке стандартов их проведения [Human Germline Editing... 2019 web].

Накал полемики по данному вопросу создает впечатление раскола в медико-биологическом сообществе. Однако это впечатление, скорее всего, обманчивое: сторонники моратория хотят привлечь внимание к необходимости глобального консенсуса в данном вопросе, продемонстрировать свою озабоченность и успокоить мировое общественное мнение, а их оппоненты, понимая невозможность такого консенсуса в настоящее время и не желая давать фору в конкурентной борьбе странам, не обременяющим себя правовыми ограничениями, делают акцент на разработке инструментов глобального мониторинга и контроля. За обеими позициями просматривается озабоченность биотехнологических лидеров по поводу того, что участники этой глобальной гонки будут использовать преимущества, получаемые из-за отсутствия надлежащего внутригосударственного регулирования.

В число таких опасных аутсайдеров включили и Россию. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что Европейский суд по правам человека в одном из своих постановлений отнес Россию к числу стран, в которых действует незапретительная практика в отношении исследований на эмбрионах человека, проигнорировав то обстоятельство, что отсутствие запрета на проведение таких исследований в значительной мере сводится на нет невозможностью патентования их результатов. Показательна была и весьма болезненная реакция зарубежных коллег на обнародованное российским генетиком Д.В. Ребриковым желание повторить усовершенствованный китайский эксперимент, побудившая ведущих представителей российского сообщества генетиков,

клиницистов и биоэтиков выступить на страницах «Nature» с заявлением о том, что в рамках сообщества достигнут консенсус относительно преждевременности подобных экспериментов. При этом было подчеркнуто, что данная точка зрения согласуется с официальной позицией Минздрава России [Grebenshchikova 2019, 596].

Несмотря на все дискуссии и опасения, исследования в области редактирования клеток зародышевой линии человека, скорее всего, уже в обозримой перспективе перейдут на стадию клинической апробации. Ведь по логике правового подхода, на который в целом ориентируется сейчас биомедицинское сообщество, такая геномная терапия будет оправдана, если удастся преодолеть технологический барьер и обеспечить весомый перевес терапевтических выгод над рисками. Развитие в данном направлении будет идти по линии все большей компенсации биологической слабости (или, как принято говорить в нашу рыночную эпоху, – неконкурентности) различных групп пациентов. Ведь подобное подтягивание неконкурентных групп до общепризнанного среднего уровня соответствует правовому принципу компенсаторности как одному из проявлений принципа формального равенства [Лапаева, Поляков, Денисенко (ред.) 2016, 11–13]. И когда риски причинения вреда потомкам будут снижены до приемлемой планки, в фокусе внимания практикующих юристов окажется масса ситуаций, в которых защита права человека на жизнь, достоинство, охрану здоровья, создание полноценной семьи и т. д. потребует расширения клинической практики в области геномного редактирования зародышевой линии человека.

В какой-то момент логика правового развития, в основе которой лежит идеология прав человека с ее стремлением компенсировать незаслуженную биологическую слабость неконкурентных групп, неизбежно выдвинет на первый план проблему так называемого «совершенствования» человека. Ведь, как известно, четкую границу между лечением и так называемым апгрейдом установить невозможно. С правовой точки зрения продвижение в сторону апгрейда будет означать движение от правового равенства к привилегиям для тех, кто получит возможности совершенствования своих телесных и когнитивных характеристик, и к дискриминации тех, кто останется в статусе простолюдинов в буквальном смысле этого слова. А дальше у обладателей больших денег и власти возникнет колоссальный соблазн использовать геномное редактирование в своих интересах. Сможет ли право что-то противопоставить такому развитию событий, чрезвычайно утратой человечеством его природного единства и генетического разнообразия?

Пока этот вопрос окончательно и бесповоротно не перешел в практическую плоскость, свой теоретический ответ на него должна дать философия права. Одним из плодотворных направлений синтеза мировоззренческого потенциала философии и регулятивных возможностей права могло бы стать *соединение идеи прав будущих поколений с философией всеединства*. Это потребует прежде всего такого переосмысления данной религиозно-философской концепции, которое акцентировало бы внимание на правовых по своей сути проблемах солидарности между поколениями и уважения достоинства человека как представителя единого человеческого рода. Для того чтобы от деклараций о важности «содействия развитию солидарности между поколениями ради сохранения человечества на вечные времена» [Декларация 1997 web, Преамбула] и т. п. перейти к нормативно-правовому регулированию, необходимо предложить юридическую конструкцию прав будущих поколений, которая конкретизировала бы правовой принцип формального равенства во взаимоотношениях между поколениями.

Наряду с этим, надо переосмыслить с правовой точки зрения проблему справедливого отношения к будущим поколениям, которая уже давно и плодотворно обсуждается на Западе. Некоторые из высказанных идей при их надлежащей интерпретации хорошо вписываются в биоэтический дискурс по проблемам геномного редактирования. Так, трактовка Земли как общего наследия, по отношению к которому «каждое из поколений занимает одинаковое (или равное) положение, являясь, одновременно, пользователем и распорядителем по доверенности» [Прокофьев 2008, 247], созвучна положению Всеобщей декларации о геноме человека и о правах человека, согласно которой геном знаменует собой достояние человечества. В контексте этого положения

новым глубоким смыслом наполняются слова Х. Ортеги-и-Гассета о том, что большая часть того, что есть у человека, является наследием, доставшимся ему в дар от других. «И мы еще вспомним, – предсказывал он, – ту великую и простую истину, что человек прежде всего и больше всего наследник... Но осознать себя наследником – значит обрести историческое сознание» [Ортега-и-Гассет 1991, 480, 482].

Конечно, религиозно-философское мировоззрение всеединства плохо вписывается в современную сверхрациональную реальность с ее усиливающимся социальным расстройством, с ее рыночным фундаментализмом, ведущим к монополизации по логике накопленного преимущества, с ее всепроникающим консьюмеризмом, превращающим физические и когнитивные способности человека в рядовой товар, и т. д. Однако если философия права не найдет концептуальный синтез прав будущих поколений с идеями всеединства, юриспруденция не разработает на этой основе правовые ограничения, способные ввести развитие геномных технологий в более безопасное русло, а действующие политики не захотят или не смогут реализовать эти идеи и юридические конструкции на практике, то у нас, скорее всего, останется, как писал Ю. Хабермас, «не более чем робкая надежда на хитрость разума – и немного на самовразумление» [Хабермас 2002⁶ web].

В данной связи уместно вспомнить, что взлет античной культуры с ее рациональностью, элитарностью и языческим культом силы был прерван распространением христианства, привнесшего в мир идею милосердия. Правда, заплатить за это пришлось растянувшимся на века подавлением рациональных начал разума. В наши дни, когда наука вступает на путь, ведущий к «зияющим высотам» новых биотехнологических прорывов, «хитрость разума», на которую уповает Ю. Хабермас, вновь может проявиться в том, что широкие массы, почувствовав приближение социально-антропологической катастрофы, истребуют более жесткие, чем право, квазирелигиозные (по своей сути и по накалу императивности) регуляторы, способные удерживать человечество от необратимого раскола до тех пор, пока не сформируются условия, в которых дальнейшее технологическое развитие не будет нести в себе экзистенциальные риски.

Примечание

¹ То обстоятельство, что современная нейробиология все увереннее оспаривает феномен свободы воли, не означает необходимости отказываться от этой фундаментальной идеи. Очевидно, что для сохранения основ человеческой культуры необходимо признать феномен свободы воли, пусть даже в качестве принятой в юриспруденции неопровержимой презумпции, которая вводится в правовую систему, исходя не из логики права, а из соображений практического характера (например, презумпция знания закона, без признания которой правовая система не может функционировать) или в качестве юридической фикции, то есть предположения, принимаемого вопреки фактам и здравому смыслу с целью сохранения регулятивного потенциала права.

Источники и переводы – Primary Sources in Russian and English

Нерсесянц 1996 – *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. М.: Юрист, 1996 (Nersesyants, Vladik S. *Law is Mathematics of Freedom*, in Russian).

Ортега-и-Гассет 1991 – *Ортега-и-Гассет Х.* Идеи и верования // *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 462–491 (Ortega y Gasset, José *Ideas y creencias*, Russian Translation).

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988 (Solovyov, Vladimir *Works*, in Russian).

Степин 2011 – *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011 (Stepin, Vyacheslav S. *Civilization and Culture*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Агацци 2009 – Агацци Э. Почему у науки есть этические измерения? // Вопросы философии. 2009. № 10. URL: <https://pandia.ru/text/80/574/8423.php>

Гусейнов 2018 – *Гусейнов А.А.* Мораль и право: линия разграничения // *Lex Russica*. 2018. № 8. С. 7–22.

Гусейнов 1999 – Гусейнов А.А. Мораль и разум // Разум и экзистенция: Анализ научных и вне-научных форм мышления / Под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса. СПб., 1999. С. 245–262.

Декларация 1997 web – Декларация ЮНЕСКО от 12.11.1997 «Об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями» // СПС-КонсультантПлюс. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/205198679>

Зорькин 2019 – Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Конституционное правосудие. 2019. № 4. С. 1–8.

Инструкция «Dignitas Personae» web – Инструкция «Dignitas Personae» о некоторых вопросах биоэтики. URL: <https://churchby.info/ru/719>

Круглый стол 2016 – Круглый стол «Феномен универсальности в этике». Обсуждение доклада Р.Г. Апресяна // Этическая мысль. 2016. Вып. 16. № 1. С. 144–173.

Лапаева, Поляков, Денисенко (ред.) 2016 – Принцип формального равенства и взаимное признание права / Под ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016.

Межуев 2006 web – Межуев В.М. Россия в диалоге с Европой. URL: <https://lebed.com/2006/art4797.htm>

Монтгомери 2018 – Монтгомери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск «Право человека и биомедицина». 2018. С. 42–56.

Нерсисянц 2002 – Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

Основы социальной концепции 2000 – Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: https://mospat.ru/?page_id=229

Прокофьев 2008 – Прокофьев А.В. Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии) // Этическая мысль. 2008. Вып. 8. С. 229–252.

Тищенко 2001 – Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001.

Хабермас 2002^a web – Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. URL: pdf.knigi-x.ru/Разное/...2002-habermas-buduschee...

Хабермас 2002^b web – Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. URL: pdf.knigi-x.ru/Разное/...2002-habermas-buduschee...

Харари 2019^a – Харари Ю. Homo Deus. М.: Синдбад, 2019.

Харари 2019^b – Харари Ю. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019.

References

Agazzi, Evandro (2009) ‘Perché la scienza possiede la dimensione morale?’, *Voprosy filosofii*, Vol. 10 (2009), Available at: <https://pandia.ru/text/80/574/8423.php/> (Russian Translation).

Cohen, Jon (2019) ‘New Call to Ban Gene-edited Babies Divides Biologists’, *Science*, 13.03.2019, <https://sciencemag.org/news...ban-gene...divides-biologists>

Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, Available at: https://ospat.ru/?page_id=229

Grebenshchikova, Elena G. (2019) ‘Russia’s Stance on Human Genome Editing’, *Nature*, 26.11.2019, pp. 575–596.

Guseynov, Abdusalam A. (2018) ‘Moral and Law: the Line of Demarcation’, *Lex Russica*, Vol. 8 (2018), pp. 7–22.

Guseynov, Abdusalam A. (1999) ‘Morality and Reason’, I.T. Kasavin, V.N. Porus (eds.) *Reason and Existence: An Analysis of Scientific and Extra-Scientific Forms of Thinking*, St. Petersburg, pp. 245–262 (in Russian).

Habermas, Jürgen (2002) ‘Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?’, Habermas, Jürgen *Die Zukunft der menschlichen Natur*, Ves Mir, Moscow (Russian Translation).

Habermas, Jürgen (2002) ‘Glaube und Wissen’, Habermas, Jürgen *Die Zukunft der menschlichen Natur*, Ves Mir, Moscow (Russian Translation).

Harari, Yuval N. (2019) *Homo Deus*, Sindbad, Moscow (Russian Translation).

Harari, Yuval N. (2019) *21 Lessons for the 21st Century*, Sindbad, Moscow (Russian Translation).

‘Human Germline Editing Needs One Message. Science Academies and the World Health Organization Must Act in Unison’, Editorial, *Nature*, 26.11.2019, pp. 415–416.

Instruction ‘Dignitas Personae’ on Some Problems of Bioethics, Available at: <https://churchby.info/ru/719> (in Russian).

Lander, Eric et. al. (2019) ‘Adopt a Moratorium on Heritable Genome Editing’, *Nature*, 14 March 2019, pp. 165–168.

Lapaeva, Valentina V., Polyakov, Andrey V., Denisenko, Vladislav V., eds. (2016) *The Principle of Formal Equality and Mutual Recognition of Law*, Prospekt, Moscow (in Russian).

Mezhuyev, Vadim M. (2006) *Russia in Dialogue with Europe*, Available at: <https://lebed.com/2006/art4797.htm> (in Russian).

Montgomery, Jonathan (2018) 'Modification of the Human Genome: Human Rights Challenges Raised by Scientific and Technical Developments', *Precedents of the European Court of Human Rights*. Special Issue of Human Rights and Biomedicine, pp. 42–56 (Russian Translation).

Nersesyants, Vladik S. (2002) 'Philosophy of Law: Libertarian Legal Concept', *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2002), pp. 3–15 (in Russian).

Prokofiev, Andrey V. (2008) 'Equitable Treatment of Future Generations (Regulatory Framework and Practical Strategies)', *Eticheskaya mysl*, Issue 8, pp. 229–252 (in Russian).

Round table 'The Phenomenon of Universality in Ethics'. Discussion of the Report by R.G. Apre-syan (2016), *Eticheskaya mysl*, Issue 16, No. 1 (2016), pp. 144–173 (in Russian).

Unesco Declaration 12.11.1997 On the Responsibility of Present Generations to Future Generations, Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/205198679> (Russian Translation).

Zorkin, Valery D. (2019) 'Metamodern Law: Problem Statement', *Konstitutsionnoe Pravosudie*, Vol. 4 (2019), pp. 1–8 (in Russian).

Сведения об авторе

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН.

Author's Information

LAPAeva Valentina V. –
DSc in Law, Chief Researcher,
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.